

Сочинения по произведениям Зегерс А.

Седьмой крест

1. «Седьмой крест» Зегерс: роман изгнание
2. Рецензия
3. Роман «Седьмой крест» высшее достижение Зегерс

«Седьмой крест» Зегерс: роман изгнание

При всей серьезности содержания книг Анны Зегерс они не превращались в политические трактаты или простые иллюстрации к событиям современности; в книгах Зегерс действовали и размышляли, боролись, любили, страдали живые люди. От книги к книге росло реалистическое мастерство писательницы. В годы изгнания пришла она к творческой зрелости и создала одно из лучших своих произведений — роман «Седьмой крест».

Шел шестой год власти фашистов в Германии. И немецкий народ сгибался все ниже. Все туже оплетали его фашисты расистскими бреднями, разнуздывали в самые низкие

инстинкты, калечили их умы, совесть, души. Неужели была напрасной борьба стольких поколений революционеров? Неужели немецкий народ не смог воспрянуть, возродиться?

С трепетным вниманием прислушивалась Анна Зегерс к рассказам людей, побывавших в Германии, к вестям из коммунистического подполья. Оно задыхалось в фашистской Германии, оно ушло в глубочайшие глубины, затаилось, но все же существовало. Ей довелось услышать рассказы тех, кто сам перенес пытки и муки в застенках гестапо, в концентрационных лагерях. Редко кому удавалось бежать оттуда, но все же были такие.

Рассказывали, что в одном из лагерей пойманных беглецов привязывали к деревьям, к большим платанам, утыканным гвоздями. Верхушки их были срублены, а поперечно стволам на уровне человеческого плеча прибиты доски — дерево принимало форму креста, превращалось в орудие пытки.

Перед писательницей всплыли лица людей, к этим крестам на обозрение узникам лагеря. Смотрите! Такая судьба ждет каждого, кто осмелится сопротивляться! Семь крестов. Но седьмой пустует. Непойманный беглец — молодой коммунист. Он и стал главным героем книги Анны Зегерс. Она дала ему имя Георг Гейслер.

Коротким вступлением к роману служит рассказ одного из заключенных лагеря Вестгофен. Он говорит от лица всех узников лагеря. Он говорит мы, рассказывая о том, как заключенные столпились у печурки и глядели на язычки пламени, трепетавшие в ней. Это пылали дрова, наколотые из срубленных платанов, к которым были привязаны беглецы...

«Ганс, покосившись на караульного, сказал беззвучно, одними губами: — Трещит.— Эрвин сказал:— Седьмой.— На всех лицах показалась странная слабая улыбка, соединявшая в себе несоединимое — надежду и насмешку, бессилие и мужество».

Огонь сопротивления, горевший в груди непоиманного беглеца, зажег надежду в сердцах его товарищей. Этот огонь бросает отблеск на всю книгу.

Мужественно-сдержанная интонация вступления, с «го лаконичностью и с его внутренним лиризмом, определяет общий тон повествования. Открывается первая глава. Рабочий Франц Марнет «дет на велосипеде из деревни, где живут его родственники, на завод. Перед глазами его расстилаются покатые склоны полей, внизу туман. Немецкая земля, равнина, где Майн вливается в Рейн. Сменялись империи, склонялись одни знамена и поднимались другие, а «тихая сизая голубизна реки оставалась все та же».

В атмосферу раздумий врывается и все заглушает трагическое звучание настоящего.

От встретившегося по пути знакомого Франц узнает, что в лагере Вестгофен, находящемся в окрестностях, «что-то стряслось». И позже, в час обеденного перерыва на заводе, ему тайком сообщают:

— Там на Рейне несколько человек бежали из Вестгофена.

Тема побега, тема сопротивления поднимается, встает и становится главной в романе, стягивая в единый узел все нити повествования.

Семь беглецов. Семь человеческих судеб. И с каждым из этих людей связаны другие люди. Быстро чередуются эпизоды. Повествование движется и вширь, и вглубь, и вперед одновременно. Автор избегает длинных описаний и пояснений от себя. И размышления, и публицистика, и психологические портреты — все дается в ходе действия, через поступки, мысли, слова, восприятия, переживания героев.

Семь беглецов. Самого молодого и неопытного из них поймали сразу же, еще когда Георг Гейслер полз по болоту, под ивовым настилом, и слышал над головой топот и ругань часовых. Вопль настигнутого погоней Бейтлера заставил Георга припасть к земле. Леденящий страх. Не раз он будет сковывать движения беглеца. Но в минуты ужаса, когда Георгу казалось, что вот сейчас конец и сопротивляться дольше нет сил, перед ним вставало лицо Валлау, и взгляд Валлау говорил: спокойствие, Георг! Старый коммунист Валлау один из главных героев романа. Всю жизнь он вел за собой других.

И в лагере не смирился. К слову этого человека прислушивались узники. Это Валлау был вдохновителем побега. Это он указал Георгу, каким путем уйти от погони. Мысль о том, что Валлау тоже в эту минуту скрывается где-то от преследователей, заставляла Георга собрать все силы и, если их уже не было, рождала новые. Кто-кто, а Валлау сумеет уйти от погони. Георг верил в него больше, чем и себя. И узники Вестгофена верили.

Валлау сумел бежать от преследователей. Он достиг той сторожки, где его ждали одежда, деньги, верный человек. Но этот верный человек, старый друг его семьи, предал Валлау. Предатель не смог вытерпеть мук совести и повесился, а Валлау доставили в Вестгофен. Он молчал под пыткой. И под взглядом его трусливо опускали глаза палачи.

И когда он был уже мертв, его лицо, лицо живого, по-прежнему вставало перед Георгом Гейслером. Валлау был взят третьим. Еще раньше преследователи настигли Пельцера. Это был скромный, тихий человек, в очках. У него не было закалки Валлау и энергии Гейслера. Но и он молчал под пыткой. И тихое его лицо со страшными следами пыток как будто светилось, когда он стоял, привязанный к платану. Четвертым был возвращен в лагерь Фюльграбе. Он сдался сам. Не выдержал. Обезумел от страха и пришел в гестапо. И его привязали к кресту. На пятый крест вместо человека привязали его одежду. Человека уже не было з живых. Циркач Веллони, загнанный преследователями на крышу высокого дома, бросился вниз. Шестой беглец, старый крестьянин Альдингер, добрался до родных мест и прилег на холме, с которого была видна его деревня. Прилег и больше не встал.

Но где же седьмой? Лагерное начальство в неистовстве. Ищейки рыщут по следам Гейслера. Вот-вот схватят, но он все не пойман.

Сколько людей, видевших его, дало показания. И многие из них охотно помогали преследователям. Большой старик-крестьянин, который сидел рядом с Георгом в приемной врача, сам побежал в гестапо донести на подозрительного человека. И бродяга Щуренок не стал держать язык за зубами, когда его выпрашивали о приметах беглеца.

Но люди не потупляют взгляда. И на лицах их не видно ни скорби, ни стыда. Они заняты повседневными делами. Женщины ходят за покупками, мужчины работают, сидят в

кабачках. Учитель муштрует ребят и пользуется каждым случаем дать им возможность послушать рассказы о войне. То и дело слышится возглас: «Хейль, Гитлер!».

Георг пробрался в родной город. Там он надеялся найти друзей. Там жила голубоглазая девушка Лени, которая любила его.

Георг у дверей Лени. Какая-то толстая мещанка в полосатом фартуке открывает ему и пугается в испуге, не дает войти. В глазах-стекляшках животный страх. Она отказывается даже перевязать его пораненную руку. На столике, покрытом скатертью в клетку, Георг видит два прибора, и на деревянных кольцах для салфеток вырезаны маленькие свастики. Такой стала его Лени, которая когда-то разбрасывала вместе с ним листовки.

Георг ищет старого друга Боланда. Вот он — выходит из закуской в хохочущей компании штурмовиков. Разве может довериться ему беглец? Куда же идти? Вот перед нами ученик Фриц Гельвег, белокурый, рослый паренек. У него пропала вельветовая куртка. Фриц огорчен, возмущен и, когда узнает, что куртку надел беглец, очень хочет, чтоб его скорей поймали. Но тут происходит разговор Фрица со старым садовником училища Колером.

Вот Георг укрывается ночью в соборе. «Вдали, возле главного глетчера отчетливо выделялась одна колонна, так как свет струился вдоль ее боков. И казалось, эта единственная светлая колонна поддерживает весь свод. Но какое все было холодное! Ледяной мир! Слово его никогда не касалась человеческая рука, человеческая мысль. Георг точно заперт в глетчере. Здоровой рукой он растер ноги и все суставы. Да, в этом убежище замерзнуть можно!» Кто это говорит, кто думает, кто всматривается в своды собора — герой или автор? Они слились воедино. Мысли героя не отделяются кавычками от авторской речи. Все течение этой речи окрашено восприятиями героя, пронизано его мыслями и чувствами,! Это любимый прием. Анны Зегерс. Постоянное проникновение во внутренний мир человека одновременно с рассказом о событиях, соединение психологической динамикой действия. Активное соучастие: автора в жизни героя — в этом своеобразии творческой манеры писательницы.

Короткое заключение перекликается с вступлением к роману. «Итак, в понедельник вечером семь платанов в Вестигофене были срублены...

В этот вечер, когда в бараке впервые запыл тла печь: и мы следили за пламенем, пожиравшим дрова, как мы думали, те самые платаны,— мы чувствовали себя ближе к жизни, чем когда-либо потом, гораздо ближе, чем все, кто почитает себя живыми».

Символический образ «пламени, открывающий книгу» завершает ее. И еще тверже, чем во вступлении, звучит в речи рассказчика короткое и очень большое слово мы. Побег семерых из лагеря Вестгофен не был напрасен, как не напрасен каждый акт сопротивления фашизму. Сопротивляться самоотверженно, сопротивляться фашизму до конца и зажигать огонь сопротивления в других людях — такой призыв звучал в книге Анны Зегерс. Этот призыв был обращен к немецкому народу, но он будил, звал к действию и людей других стран и наций. Он продолжает зажигать язычки живого пламени в сердцах и через много лет после того, как была написана эта книга.

«Седьмой крест» — одно из выдающихся произведений социалистического реализма в зарубежной литературе. Высота и правда передовых идей века, зоркий, ясный взгляд художника на жизнь в ее сложности, кровная связь с освободительным движением своего народа, революционный гуманизм — все это мы найдем в книге Анны Зегерс. Мы найдем в ней и чудесный дар видеть и запечатлеть красоту высших форм человечности, рождающихся в людском содружестве, в общей борьбе за высокие цели.

Рецензия

В 1936 году в нацистской Германии семеро человек сбежали из концлагеря. Комендант лагеря ради устрашения остальных узников приказал установить семь крестов, на которых потом должны были оказаться все сбежавшие — по мере их поимке гестаповцами. Однако седьмой крест так и остался свободным, поскольку одному из беглецов, а именно — Георгу Хайслеру, всё же удалось с помощью самых разных людей, подчас совсем незнакомых, перебраться в Голландию.

Один из заметных американских фильмов о последствиях нацизма был создан ещё во

время войны по антифашистскому произведению немецкой писательницы Анны Зегерс. А режиссёром стал Фред Циннеман, выходец из Вены, чьи родители как раз погибли в концлагере. «Седьмой крест» заставляет вспомнить по принципу «от противного» довоенную ленту «Ярость», снятую немцем Фрицем Лангом тоже в США. И дело не только в том, что здесь вновь играет главную роль замечательный актёр Спенсер Трейси, а оператором стал Карл Фройнд, классик немецкого киноэкспрессионизма, раньше сотрудничавший с Лангом, что, безусловно, ощущается в тревожной атмосфере картины, которую можно посчитать даже триллером. Если в «Ярости» фактически развивается начатый Фрицем Лангом в «М» анализ того, как в самом обыкновенном человеке возникает жажда крови, безумная страсть к мщению, то Циннеман, опираясь на роман Зегерс, склоняется к мнению, что наряду с подобными «ординарными людьми» и теми, кто оказался подавлен фашизмом, ничуть ему не сопротивляясь, были упорно продолжавшие борьбу, верящие в небезнадёжность этого дела. Именно поэтому могло случиться так, что один из сбежавших из концлагеря в итоге остался в живых.

Конечно, не все, кого встречает на своём пути Георг Хайслер, хотя непременно помочь (бывшая возлюбленная даже прогоняет его), другие хоть и оказывают поддержку, но стараются поскорее избавиться. Однако есть и третьи... Очень интересен в данном плане образ Пауля Рёдера — вполне обыкновенного, «маленького человека», который должен был бы испугаться и немедленно выгнать Георга: ведь у него жена, дети. Но как раз Пауль смеет оставить у себя беглеца, а потом помогает связаться с антифашистами (кстати, только исполнитель этой роли Хьюм Кронин из числа создателей «Седьмого креста» был номинирован на «Оскар», пусть и не получил его). А вот сюжетную линию архитектора нельзя признать удачной. Он поначалу отказывается сделать что-то для Хайслера, и лишь усовестившись, вдруг приходит на помощь. Всё это больше похоже на привычные голливудские образцы.

Роман «Седьмой крест» высшее достижение Зегерс

Самым крупным художественным произведением Зегерс в годы мексиканской эмиграции стал роман «Транзит» (1943), в основу которого легли события, связанные с крушением Третьей республики во Франции в мае 1940 года. Зегерс сама испытала многое из того, что выпало на долю ее героев, и потому роман выглядит временами как свидетельство очевидца. Это впечатление еще больше усиливает композиция произведения: роман написан в форме исповеди главного героя, немецкого эмигранта-антифашиста Зайдлера.

Поражение Франции и систематические преследования, показывает Зегерс, духовно надламывают многих немецких эмигрантов — одни теряют всякие моральные принципы и становятся шкурниками, другие впадают в отчаяние, капитулируют перед гитлеровцами или кончают жизнь самоубийством. Но Зайдлер в-конце романа предстает значительно более сильным, чем в начале. И тогда, когда Зегерс упоминает о появлении антифашистских листовок в Париже, и тогда, когда она рассказывает о настроениях семьи парижского рабочего Бинне, и тогда, когда в финале ее герой убежденно говорит о приближении дня открытой вооруженной борьбы с гитлеровцами, читателю становится ясно, что ее произведение — это не только книга о «транзите» отдельной личности. Роман проникнут уверенностью, что народ Франции выстоит, как выстояли Бинне и Зайдлер, и найдет в себе силы для сопротивления.

В последние годы эмиграции Зегерс написала две повести — «Прогулка мертвых девушек» и «Саботажники», в которых перед читателем вновь предстала Германия. В первой повести, созданной в свободной форме личных воспоминаний, где прошлое и современность переходят друг в друга, писательница выразительно показала, какую страшную роль в судьбе ее поколения сыграли националистическая идеология, немецкий милитаризм и гитлеровская диктатура. Это наиболее автобиографическое и лиричное произведение Зегерс, и потому тоска по родине проявляется в нем особенно остро.

Повесть «Саботажники» Зегерс посвятила тем немецким рабочим, которые стали соратниками советского народа с первого же дня нападения гитлеровцев на Советский Союз. Это произведение, запечатлевшее характерные особенности борьбы немецкого подполья в годы войны, убедительно свидетельствовало о том, что гитлеровцам так и не удалось уничтожить антифашистское Сопротивление в Германии и что ведущей силой в нем были именно рабочие-коммунисты. Тем самым Зегерс прямо выступила против тех фальсификаций истории немецкого Сопротивления, которые распространялись западногерманскими буржуазными писателями.

После возвращения в 1947 году на родину общественно-политическая и литературная деятельность Анны Зегерс приобрела особенно большой размах. Писательница вернулась с незаконченной рукописью большого антифашистского романа. Этот роман «Мертвые остаются молодыми», как и продолжившие его романы «Решение» и «Доверие», стали самыми крупными произведениями нового этапа ее творчества.

